

Цена 15 руб.

ОГОНЕК

№ 16.

Издание „МОСПОЛИГРАФ“.

БИБЛИОТЕКА
ПРАВДЫ



Л. Д. Троцкий и Н. И. Муралов на авиационном празднике на Ходынском поле,
в Москве, наблюдают среди публики полеты.

Фот. для „Огонька“.



ПЕРВОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ТРАНСПОРТНОЕ ОБЩЕСТВО „ТРАНСПОРТ“.

(В состав Общества вошли Транспортные предприятия Транспорттрест и Транс-Волга.)

Основной капитал—8.000.000 золотых рублей.

ТРАНСПОРТИРОВАНИЕ

различного рода грузов государственных учреждений, предприятий, кооперативных организаций и частных лиц по водным, железнодорожным и шоссейно-грунтовым путям С. С. С. Р.

ХРАНЕНИЕ ТОВАРОВ

в своих оборудованных складах (с выдачей складочных документов).

СТРАХОВАНИЕ ГРУЗОВ

в пути и на складах в органах Госстраха. Выдача ссуд под товары.

ПОРУЧЕНИЯ

по выполнению таможенных обрядностей по импорту и экспорту.

Все операции производятся обществом с материальной ответственностью за целостность товара.

Свыше 100 контор во всех промышленных пунктах С. С. С. Р.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Мясницкая, Фуркасовский пер., д. № 3/12, 4-й этаж.
Телефон 1-7246, 2-74-15.

Телеграфный адрес: „ТРАНСПОРТ“. Московская контора—1-й этаж. Тел. 1-32-77.

РЕДАКЦИЯ и
ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

МОСКВА, Тверская, 38.
Телеф. 1-09-28 и 86-87.

Телеграфный адрес:
Москва — „ОГОНЕК“.

Объявления:
1 стр., — 85 чер., 1/2 стр. —
18 чер., 1/4 стр., — 10 чер.,
1 строка непарная в 1 ко-
лонку — 50 коп. в черном
исчислении. На обложке на
50% дороже. Сверх тарифа
начисляется 10% в ЦК По-
следгод.

Еженедельный Иллюстрированный
ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на ап-
рель, май и июнь по 50 р., на
июль—60 р., на авг. 60 р. На
сентябрь даются прир. аванс, об-
истечения которого подпис-
чик уведомляется. Загранич-
ная 1 мес. — 1/2 доллара, 1 экз. —
10 цент или в переводе на
соотв. местн. валюту. Под-
писка на „Огонек“ при-
нимается во всех почт.-телегр.
учрежд. и во всех отделениях
и агентствах Госбанка.

№ 16.

15-го Июля 1923 г.

№ 16.

Из цикла „Сердце деревни“.

Стихотворения Сергея Городецкого.

У т р о .

Пастух с бичем из жил воловьих
Прогнал коров из лозняка.
Непобедимое здоровье
В его размашистых руках.

Он засвистел, запел, зашелкал
И гуцу стада распянул
Белесым, рыжим, черным шелком
В зель лугового полотна.

Будто его бичу послушно,
Земле и тучам напролом
Опарой, красною и душиной,
Полезло круглое тепло.

И к рылу солнца вздыбив рыла,
Коровы взмыли добрый мык.
И тучность света перекрыла
Синь уползающую тьмы.

2.

С р у б .

Из бревен круглых и пятнистых,
Козы не скидывая с губ,
Углы равняя, как монисто,
Иван Силантьев ладит сруб.

Ему, потея, помогают
Чужой Фома и сын хромой.

У Фомки думка дорогая—
Ивана дочку взять домой.

Его деревня за горою.
Там за рекой поют дрозды,
Там тоже строят, ладят, роют,
Там хорошо жить молодым.

Иванов сын был ранен в бое.
На что тому, кто охромел,
Бревно вбивать в бревно рябое?
Другое держит он в уме.

Достроить тятке помогу я.
А там, по осени, айда
К газетам, в город, в жизнь другую,
Которой кровь свою отдал!..

Сергей Городецкий.

Ялта—город отдыха.



Ялта — город разгула и прожигания жизни царских чиновников, князей и графов, фабрикантов и помещиков при царизме —
теперь превращен в город отдыха для трудящихся.

На нашем снимке—ялтинская рабочая молодежь, купающаяся на взморье.



Дом отдыха екатеринославских рабочих.

Гибель Европы.

Фантастический рассказ И. Эренбурга.

— Последний состав час тому назад отбыл с вокзала Цоо,—методически выкрикивал контролер вокзала Фридрих-штрассе, исправный седоусый чиновник. Выкрикивал до тех пор, пока его не раздавила обезумевшая толпа.

Раздавленный контролер был прав: последний поезд отошел из Берлина 29-го в 2 ч. пополудни по направлению к Бреславию. Еще до его отхода все поезда окружной городской дороги были обращены в дальние. К 5 ч. дня ждали возвращения некоторых составов, и поэтому площади перед берлинскими вокзалами были запружены народом. Иные мечтатели сидели на больших узлах, из которых выглядывали пивные кружки, перины и полные собрания сочинений немецких классиков, как то Керпера и Лессинга. Но вскоре выяснилось, что французские летчики повредили все 28 путей, идущих от Берлина. Площади быстро опустели.

Не только автомобили, но и все телеги были с утра угнаны из города. Под вечер предприимчивый миллионер герр Фишер, задержавшийся в Берлине по случаю родов супруги, раздобыл где-то поломанный грузовик, в котором развозили некогда рыбу. Герр Фишер с семьей влез в тесный ящик. Но возле Груневальда рабочие остановили грузовик, герра Фишера прикончили, а заодно в сумятице испортили и без того испорченную машину.

Многие решились уйти из Берлина пешком. Шли, главным образом, на восток и на юг.

Иные идти не могли и, задыхаясь, падали. Какая-то старушка ехала в детской коляске, запряженной козой. Коза упиралась, прыгала во все стороны и под конец забодала хозяйку. Некоторые нанимали людей, которые тащили их на плечах. Сигарный фабрикант герр Вольф нанял за 1000 долларов четырех носильщиков. Они должны были нести герра Вольфа с супругой, проделывая не менее 6 километров в час. Жилы на шеях носильщиков выразительно прыгали. Герр Вольф, убаюканный качкой, спал невинно, как младенец. Но проходя мимо Шпрее, четыре носильщика тихо выпустили из рук свою теплую поклажу, и герр Вольф с супругой встревожили на минуту мутные сонные воды.

Впрочем, на такие происшествия никто

не обращал внимания. Ушедшие еще хотели жить, и поэтому они не спешили.

Большинство осталось в городе. По приблизительному подсчету аргентинского статистика Робса к вечеру 29-го июня в Берлине находилось около 2.600.000 жителей. Эти люди пережили войну, три революции, голод и нищету. Они не принимали пианистого калия и не кидались в Шпрее. Но если на этом настаивал какой-то г. Феликс Брандево, они были согласны умереть. Это вытекало не из вежливости, а из ограниченности человеческих сил.

Правда, некоторые оптимисты надеялись на чудотворное спасение. По городу ходили утешительные слухи. Одни говорили, что в 40 километрах на запад от Берлина заложены мины, которые взорвут эскадру танков; другие, что на окраинах установлены русские орудия, расбивающие гусеничную ленту смертельных насекомых

г. Феликса Брандево. Все это было явным вздором. Никто никаких мин не закладывал и орудий не ставил. Только 108 юношей образовали «отряд самообороны», прогуливаясь по Шарлотенбургу со старыми винтовками и ожидая врага.

В 9 ч. вечера какой-то предприимчивый чудака напечатал экстренный выпуск «Deut-

Ялта.



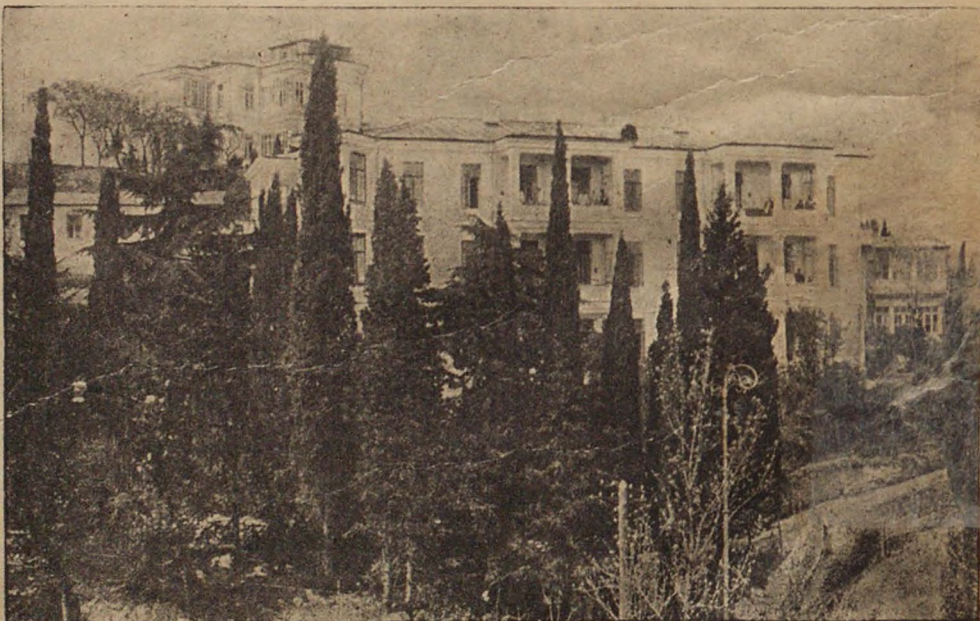
Группа отдыхающих профессоров в доме отдыха КУБУ в Гаспере. Среди них: 1) Шлиссельбуржец Панкратов, 2) Зав. секретариатом Рыкова — Нестеров, 3) Известный геолог Вознесенский.

sche Zeitung», полный сенсационных сообщений:

Париж: Правительство Брандево сегодня утром свергнуто. Парижский совет рабочих и солдатских депутатов шлет привет трудящимся Берлина.

Вашингтон: Президент С. А. С. Ш. ультимативно потребовал у французского правительства отмены санкций. Общест-

Ялта.



«Доссия»—санаторий для партийных работников.

венное мнение Америки против уничтожения Берлина.

Прочитав эти телеграммы, сочиненные на Лейпцигштрассе, берлинцы ласково ухмылялись. Может быть одну минуту они и верили в сказанное, но эта минута продолжалась не дольше чем все минуты, и вера сменялась уверенностью, что Америке нет никакого дела до 2.600.000 человек, блуждающих по осужденному городу, что г. Феликс Брандево, закручивая усики, попрежнему повелевает своей взбесившейся страной, и что 300 огромных стенобитных танков со стороны Ганновера продвигаются к Берлину.

Под вечер еще происходили политические выступления. 108 юнцов, расгуливавшие с винтовками по Шарлотенбургу, восстановили императорскую власть. Они переменяли флаги на каком то адании. Но никакого императора в городе не оказалось и жителям было не до флагов. Переворота никто не заметил. Час спустя выступили коммунисты. Они пытались послать радио солдатам, находящимся в танках, о солидарности пролетариата. Кто то стал сочинять декрет

«В 24 часа сдать все имеющиеся...»

Но, вспомнив, что Берлину осталось жить не более 3 часов, бросил перо и пошел пить киршвассер. К 10 часам вечера абсолютно все перестали интересоваться политикой. Вопрос о том, кому принадлежит в городе власть не занимал даже закоренелых юристов.

В Берлине царило веселье. Рабочие и служащие, ремесленники и мелкие чиновники ворвались в квартиры шиберов, покинувших город. Они не искали в комодах ценных вещей и не расбивали зеркала. Но на столах появились давно невиданные яства, рейнвейн, светлобежовые сигары. Некоторые женщины ударили о клавиши роялей и плакали. Возможно, что это были радостные слезы.

На отдыхе.



Старые большевики-гутовцы на отдыхе с сотрудниками Гута. 1) М. Морозов — Замначцугторфа. 2) Р. Березин — Замначгута ВСНХ.

На Курфюрстендамме какой то фанатичный владелец кабаре, очевидно веривший в свое личное бессмертие, решил нажить уйму денег. Он вывесил огромный плакат:

Спешите все. Еще не поздно.

Кабаре Альказар.

Последний вечер Берлина.

Артистов не было, все они расбежались, включая дрессированных зверей клоуна Дима. Тогда владелец, надев женскую юбочку со стеклярусом, принялся сам исполнять разные номера: он танцевал кау-трот, пел непристойные куплеты, жон-

глировал тарелками и даже изображал слона, при чем сам себя дрессировал не без успеха.

Публики было много.

Берлинцы явно хотели в этот вечер отдохнуть и развлечься. Толпа проникала в запертые кинематографы и сама налаживала сеансы. Но, так как вертевшие фильмы не были специалистами, получались дикие ускорения или замедления движения. Поцелуй влюбленных в одной из фильмов длился не менее часа. Но это никого не удивило. Зрители, понимая, что этот поцелуй безусловно последний, сидя в зале целовались столь же длительно.

Ялта — город отдыха.



Группа отдыхающих на пляже.



М. И. Калинин, А. С. Енукидзе, Т. В. Сапронов среди крестьян—членов ВЦИК'а.

В другой фильме прохожие неслись с невиданной быстротой и, увидев это, все люди, смирно сидевшие в партере, кинулись на улицу и понеслись, обгоняя друг друга: ведь им оставалось жить 2, самое большее 3 часа.

Все рестораны, кафе, пивные, кондитерские были полны. Лакеи сидели за столиками и пили шампанское. Посетители сами себе подавали. О деньгах никто не вспоминал. По традиции еще играли музыканты.

На улицах бродили люди, опьяненные и мечтательные. Они говорили стихи и тихо беззлобно ругались. Веранды кафе

в темноте цвели красными и желтыми фонариками. Расдавался сухой жестяной звук поцелуев. Какой то безносый урод соблазнил наивную девочку миллиардом марок и плиткой шоколада. Идти было далеко и, боясь опоздать, они легли в сквере на соседней площади. Подошла собака, обнюхала их и тоскливо завывала. Ее заглушил барабан джаз-банды. Над барабаном плавно качался перезрелый апельсин луны. Знатки литературы уверяли, что все это напоминает Гофмана.

Время шло, настала полночь. Вдруг весь Берлин зажмурился от нестерпимо яркого света. Гигантские прожекторы въехали в город. Девочка, лежавшая в сквере, бросилась прочь. Старый немец вынес на улицу толстый фолиант «Истории Фридриха Великого» и, надев роговые очки, стал читать вслух. Собака все еще продолжала выть.

В кафе «Prager Diele», угрюмо зевая, вошел новый гость. Не было ни одного свободного столика. Тогда, вежливо поклонившись седому почтенному господину, сидевшему у окна, он спросил:

— Разрешите?

В кафе былолюдно и весело. Какие то весельчаки приделали серпантин и оранжевая паутина опутывала женщин. Но вновь вошедший клиент, нетерпеливо глядел на часы и вел себя, как нервный пассажир, ночующий где-нибудь на узловой станции. Это был Энс Боот.

300 танков находились уже в 25 километрах от Берлина. В одном из танков, раздетые до гола, вследствие нестерпимой жары, стояли два друга: лейтенант Виктор Брандево, племянник премьера, и сулейтенант Жан Бланкафар. Танк был вышиной в 10 метров. Винтовая лестница вела к наблюдательному пункту. Гудели моторы в 30.000 лошадиных сил. Танк быстро полз, расдавливая рошцы, пробивая стены старых церквушек, переползая через овраги.

— Жарко,—сказал Виктор Брандево.— Ужасно жарко. Чем не Ницца? А эти голые люди мне напоминают морские купанья. Глядите, мы сейчас пробили боль-

шой дом. Вот из дыры торчит детская кроватка и чей то сапог. Это уж предместья Берлина.

Жан Бланкафар был в хорошем настроении, но сапог и детская кроватка его мало интересовали. Он рассматривал мобилизацию и уничтожение Берлина, как веселую прогулку, столь живительную после ежедневных пререканий с ревнивой Люси и опостылевшей ему домашней телятины. Своими соображениями о грядущих усядах он поделился с другом:

— В Кельне за франки давали 4 миллиона марок. А, говорят, что за 10 миллионов в Берлине можно достать самую лучшую девочку. Завтра поработаем?...

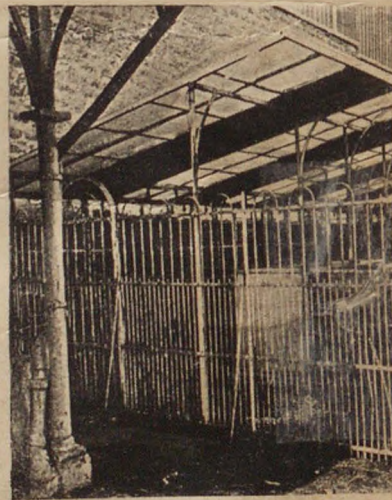
— Но ведь мы забыли, что через час мы уничтожим Берлин вместе со всеми его жителями,—возразил Виктор Брандево.

Пастеровский институт в Париже.

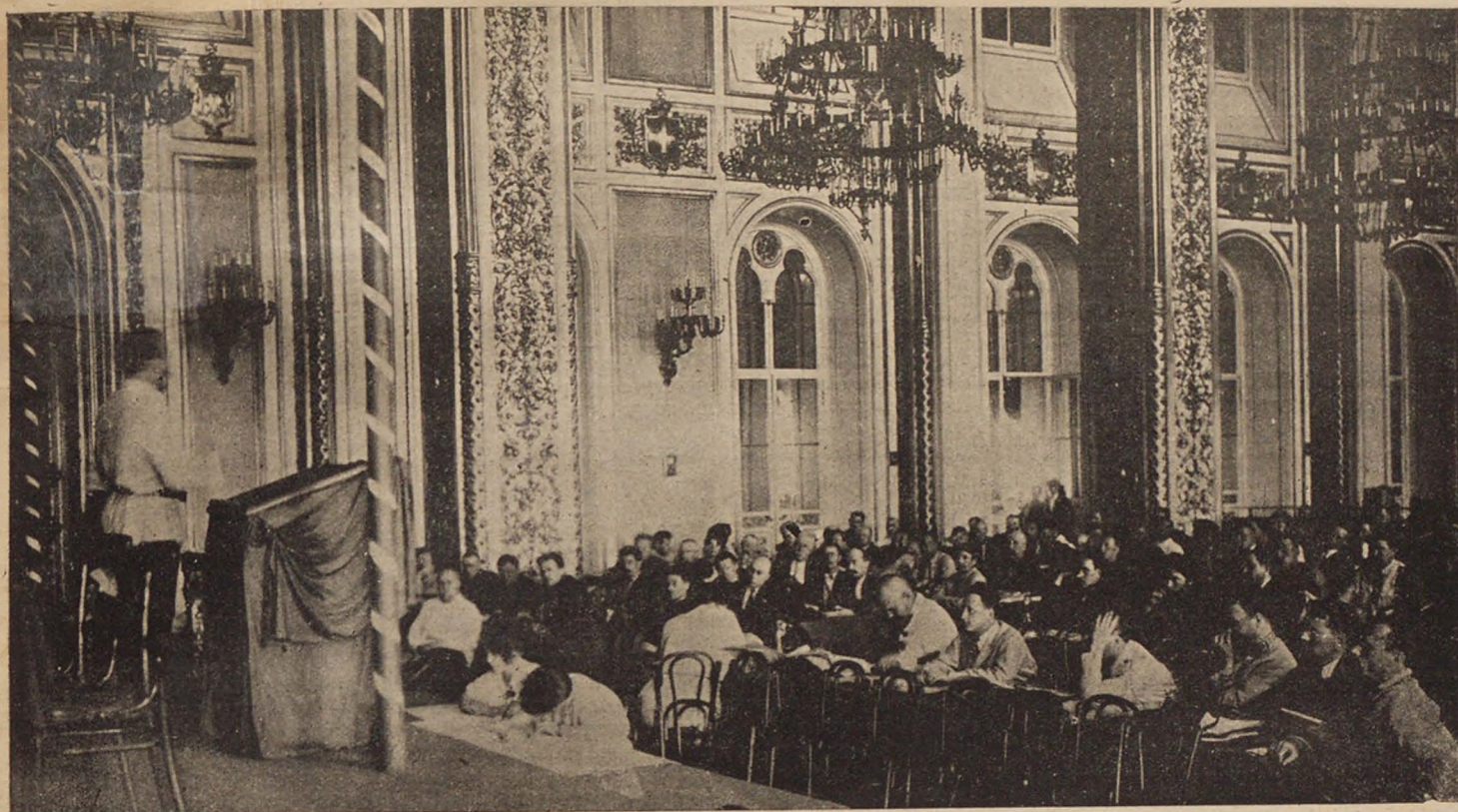


Вспрыскивание сыворотки больному, укушенному бешеной собакой в Пастеровском Институте.

Пастеровский институт в Париже.



Отделение для опытов над собаками.



Доклад Народного Комиссара Финансов Г. Я. Сокольников.

Прожектор ярко осветил отвесные стены, трубы, мосты, водоканалы. 200 танков, расклевываясь, образовали цепь, которая должна была, снести весь город. Виктор Брандево снова заговорил:

— В окне лампа. Знаете, Жан, мне жутко. Как будто мы долго, долго ехали, не километры прошли, а тысячелетия. Бег с высунутым языком. И вот теперь пуста, конец, разбитая лампа. Я сейчас особенно чувствую время. У меня в груди, вероятно, не сердце, но хронометр.

Жан Бланкафар ничего не ответил. Заметив 108 мальчиков, со старыми винтовками, напавших на неуязвимые чудовища,

он приказал пустить в ход митральезы и расстреливать всех, выбегающих на улицы, чтобы спастись.

Уже кварталы Вестендэ были обращены в развалины, а в «Prager Diele» веселый чернотростный скрипач еще играл перуанский кау-трот. Почтенный господин, выпив чашку бобового кофе, сказал Енсу Бооту:

— Я очень расстроен происходящим. Дело в том, что через ¼ часа я, по всей вероятности, погибну. Я не успел никому рассказать о своих последних работах. Три года я сидел в своем кабинете. Я ни с кем не встречался. Я даже не знал, что

будет еще одна война. Я расшифровывал надписи на могиле фараона Ферункануна, открытой в 1925 году. Только сегодня мне окончательно удалось удостовериться в том, что последняя строка гласит:

«И в конце пребывает начало».

Это последние слова фараона Ферункануна, жившего в XV веке до Р. Х., т. е. 3300 лет тому назад. Но я отрыл это слишком поздно. Кажется, почта уже не действует. Я сейчас погибну и никто не узнает о том, что сказал Ферунканун, умирая.

В это время раздался страшный грохот падающих домов. Два танка, скинув все

Пьер Лоти.

В закате почти полувекковой славы, на 74-м году жизни скончался «бессмертный» Пьер Лоти. Первый литературный пропагандист Востока, того Востока, с которым все вздыхающие и чающие отдыха соединяют представление об истоме, приключениях, гейшах и слонах. В семидесятых годах, когда портрет г-жи Хризантемы еще не размножался на миллионах верев и не существовало кино для «Индийской гробницы» — романы молодого морского офицера, рискнувшего пожить в казавшейся заколдованной Японии, — были единственным отголоском неведомой культуры и ими зачитывались.

Уже первые фельетоны Лоти в «Фигаро», обличавшие порядки, вводившиеся французскими войсками в только что завоеванном Индо-Китае, заставили жаждущую сенсаций парижскую публику, ждать с открывшихся дальневосточных горизонтов морского ветра, который бы освежил застоявшуюся послевоенную психику.

Пьер Лоти, однако, не захотел отметить и воспеть то, что действительно способно было захватить Европу: борьбу китайцев, индусов, австралийцев с белыми завоевателями, борьбу за золото, жемчуг, медь, резину — все эти мирового размаха темы не увлекли пресыщенного парижанина. Лоти ушел в чайные домики, гаремы, портовые притоны; европейскому читателю открылась вся романтика, экзотика и эротика дальних восточных стран.

Все описывалось очень спокойно, кропотливо, детально, автор не обнаружил особого преклонения перед своим героями



Пьер Лоти — первый литературный пропагандист Востока.

и не столько прославлял или осуждал их, сколько просто показывал. «Мадам Хризантем», «Азиада», «Женитьба Лоти», «Ро-

ман Смаги» развернули яркую панораму дворцов, деревьев, озер, страну без забот и труда — и в этой стране — тоску, тончайшие душевные переживания, уход в себя, тогда непонятный и неизвестный, беснущей Франции.

Вернувшись из путешествия, сразу укрепив свою славу, Лоти находит более близкие сюжеты. Японскую тоску он обнаруживает не только среди хризантем и раззолоченных доминов: ураганы Бретани и Нормандии, вечная борьба с природой порождают ту же усталость, что Тайфун и мужний гнет Самурая. Те же дети природы в суровой обстановке, та же тоска и обреченность.

Отсюда цикл бретонских романов, в них — контрасты жизни и смерти, почти всегда все уничтожающие кораблекрушения; счастье залетает в рыбацьи лачуги только на несколько дней, чтобы смениться долголетним ожиданием и горем.

Успех этих романов превзошел экзотические лавры Лоти. Он вскружил голову писателю. Избранный членом французской академии, Лоти во вступительной речи подчеркнул, что «никого из романистов не читает и не желает читать». Тут же ему было указано на всю бестактность этого выступления.

Последние годы Лоти замер. Своего отношения к войне и революции не выявил ничем.

строения Kaiserallee, придвигались к Prager Platz. Кау-трот оборвался. На пол полетели стаканы. Часть посетителей, давя друг друга, кинулись к выходу. Другие, парализованные ужасом, продолжали чинно сидеть на мягких диванах.

Почтенный египтолог, сохраняя полное спокойствие, обратился к Енсу Бооту:

— Я все же решаюсь, несмотря на ваши пренебрежительные отзывы о моей работе, обратиться к вам с просьбой. Если я погибну, а вы уцелеете, возьмите в моем бумажнике листок с точным переводом надписи на гробнице фараона Ферункануна и перешлите его моей дочери Эльзе Кригер в Нюрнберг, Meinehenstrasse. Она сообщит о моем открытии иностранным ученым. Сделайте это ради блага человечества.

Енс Боот иронически усмехнулся, но все же кивком головы выразил согласие.

Дико кричала упавшая на пол женщина. Еще минута и все завертелось в каменном вихре. Енс Боот и египтолог свалились.

Танк, победно шевеля усиками орудий, простествовал дальше.

Но ни Енс Боот, ни его ученый собеседник г. Кригер не были убиты. Вскоре, оправившись от сотрясения, они встали. Енс Боот тщательно стряхнул известковую пыль с пиджака и закурил папироску. Кругом были камни и теплая человеческая давленность. Выбравшись из обломков, они увидели еще несколько обезумевших людей прыгавших с камня на камень. Среди них был содержатель кабарэ «Альказар», в юбочке, сверкавшей стекляньюсом.

Взяв друг друга под руки, Енс Боот и г. Кригер пытались идти. Енс Боот твердо знал, что он не умрет; ведь «Трест Д. Е.» только приступал к работе. Глядя на золотую пыль звезд, он думал

о письмах, которые должен завтра переслать в Париж.

На них надвигался один из танков.

Г. Кригер сказал Енсу Бооту:

— Неужели вы не понимаете кому нужна надпись на могиле фараона Феранкануна? Мне, вам, этому человеку в юбке, солдатам, сидящим в танке, всем, абсолютно всем. Я вижу черный длинный коридор тысячелетий. Он позади. Вы помните слова фараона:

«И в конце пребывает...»

Г. Кригер не окончил утешительного афоризма Ферункануна. Он упал, пробитый пулей, вылетевшей из узкой глотки мицральзы, проходившего мимо танка. Внутри стального насекомого стоял Виктор Брандево и пустыми стеклянными глазами глядел в черный длинный коридор тысячелетий.

И. Эренбурга.

Пять лет созидания и работы.

Статья Нар. Комиссара Здравоохранения Н. Семашко.

21 июля исполняется пятилетие со дня основания Народного Комиссариата Здравоохранения.

Теперь, с высоты нашего мирного положения и хорошего эпидемического состояния, как на ладони, вырисовывается прошлая деятельность его, полная борьбы, страданий, жертв, побед и поражений.

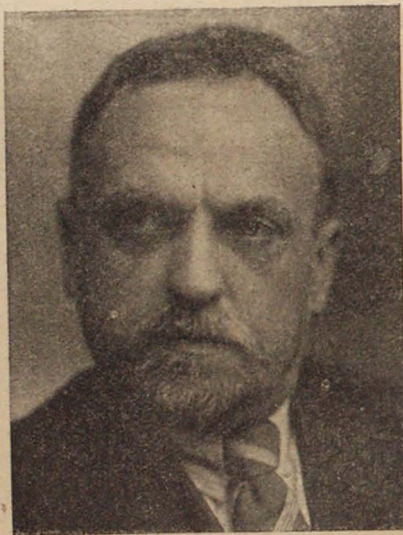
Прежде всего нужно было строить Комиссариат. Без единого примера в прошлом, без единого образца в Европе, в эпоху обстрела нашей страны с суши и с моря, с суши и воздуха, строилось здание Комиссариата; понемногу, при скептическом покачивании головою одних, при противодействии и саботаже других, «собиралось» разорванное по частям медико-санитарное дело в одно единое целое.

Гражданская война разгоралась. Быстро, как сказочный герой, росла Красная Армия. Все внимание, все силы и все средства надо было бросить на оборону самого существования Республики Труда. На пустом месте, при отсутствии всего элементарно-необходимого, при блокаде, лишившей нас всякого подкрепления, росла и крепла военно-санитарная организация, которая должна была обслуживать фронт, невиданный в истории по протяженности, постоянно менявшейся по характеру гражданской войны. Появились сотни санитарных поездов, из которых некоторые потом могли конкурировать с лучшими санпоездами в Европе; забегали питательные, банно-прачечные, дезинфекционные поезда; госпитали развернули до 360.000 и выше коек; появился кадр «красных сестер», которые так работали на передовых позициях, что красноармейцы кричали: «отойдите назад, вы нам мешаете стрелять». Трупами «красных сестер», зверски растерзанных белогвардейцами, усыпаны передовые позиции наших красных бойцов.

Гражданская война вызвала небывалый, неслыханный взрыв эпидемий; заражали белые войска; заражало население освобожденных областей; массами передвигались пленные и беженцы и сеяли пожар заразы по всей стране. Около 20 миллионов населения переболело за эти годы разными тифами. Надо было спешно создавать противэпидемическую организацию—открыто было больше четверти миллиона эпидемических коек; учреждены были по всем узловым станциям изоляционно-пропускные пункты для обязательного выделения больного и окружающих, дезинфекции и дезинсекции, с дальнейшим направлением больного в соответствующее лечебное заведение; усилен санитарный надзор и санитарный персонал. Все внимание было привлечено на предупреждение разгара эпидемий, а не просто на тушение их.

Кончилась война, кончились эпидемии.

Во всех областях жизни наступает эпоха мирного строительства. В области охраны народного здоровья фронт остается, лишь перестраивается. Малярия принимает такие размеры, что грозит уже не только народному здоровью, но и народному хозяйству. Около 5 миллионов случаев ежегодно регистрируется в стране; это значит, что число этих тяжелых случаев надо удвоить и утроить, чтобы получить действительное число всех заболеваний этой болезнью. 50 % ж. д. персонала на Туркестанских ж. д. выбыли из строя по болезни; многие промыслы в Туркестане и



Народный Комиссар Здравоохранения Н. Семашко.

на Кавказе приходят в упадок из-за малярии. Зараза поднимается до крайнего севера (Мурманск, Архангельск), где ее раньше не было. Появляются тяжелые формы тропической малярии. Напрягаются последние средства для покупки за границей хинина: разворачивает свою торговую деятельность торговый орган при Наркомздраве—Госмедторг; и ввозит несколько тысяч кило хинина из-за границы; помогают заграничные организации, прежде всего АРА; производится возможные гидро-технические работы; принимаются специальные меры в особо угрожаемых промыслах (торфяные разработки и проч.). Но враг еще не побежден, малярийная зараза еще широко жнет свою жатву в стране, малярия продолжает быть настоящим социальным злом.

А рядом—рост после войны социальных болезней—туберкулеза и сифилиса; воскре-

сает при НЭП'е, притаившаяся было после октября, проституция. И здесь требуется напряжение сил и средств. Устраиваются «недели борьбы с туберкулезом», во время которой стараются не оставить безучастными ни одной фабрики, завода, деревни, школы; организуются «недели помощи безработной женщине», во время которой стараются ослабить самые корни проституции—безработицу и беспризорность женщин и девушек. Ведется энергичная санитарно-просветительная работа и старыми методами (лекции, выставки), и новыми—инсценированными судами над «проституткой Ивановой, заразившей сифилисом», «над рабочим Киселевым, заразившем свою семью венерической болезнью». Эти суды, живые воплощения настоящей действительности, всегда привлекают невмешаемое в помещение количество слушателей.

А одновременно велась и ведется борьба с страшным наследием царского строя—страшной детской смертностью, грозившей вымиранием детей. На пустом месте, унаследованном от прежних режимов, создается стройная, разветвленная до последней фабрики, организация охраны материнства и младенчества—консультации, молочные кухни, дома матери и ребенка, ясли, детские дома.

Эта работа пополнялась заботой о подрастающем поколении. Дошкольный, школьный и после-школьный детский и юношеский в возраст приковывал к себе нужное внимание. И здесь лозунгом было: «лучше предупредить, чем лечить». Школьно-санитарный надзор, школьные амбулатории по различным специальностям, поголовный ежегодный осмотр фабрично-заводского ученичества, и одновременно с этим физическое закалывание (физическая культура) подрастающего поколения—вот с чего началась работа.

Таковы этапы, чрез которые прошла деятельность Народного Комиссариата Здравоохранения. Вовсе не так гладок был этот путь, как это рисуется в историческом обзоре. Он отмечен многими поражениями, горькими неудачами, иногда ошибками, но и многими славными, сладостными победами. Он усыпан и многими тысячами трупов медицинских работников, ибо борьба с эпидемиями требовала часто не меньше жертв, чем самые кровопролитные сражения на военном фронте.

Но одно можно сказать твердо: за эти пять лет медицинские работники твердо и честно держали свое знамя в руках; и несмотря на бури и непогоды ни на единый момент не склонилось в их руках это знамя помощи трудящимся в их строительстве, охраны самого дорогого у них—их здоровья.

Н. Семашко.

К отъезду АРА из России.

Очерк полном. представителя РСФСР и УССР при зарубежных организациях помгол К. И. Ландера.

Решение АРЫ о ликвидации работы в России не было неожиданностью ни для нас, ни для них. В этом направлении все время велись переговоры, выяснялись виды на урожай этого года, выяснялся вопрос, справимся ли мы с текущими продовольственными задачами в бывших голодающих районах своими силами. На эту тему велись переговоры между Директором АРЫ полк. Хаскелем и представителями нашей Центральной власти. Когда выяснились более или менее благоприятные виды на урожай и наши ресурсы, вопрос о ликвидации АРА был решен с обоюдного согласия. Кстати: так как это было в самый острый момент нашего конфликта с Англией, то в беседе со мною полк. Хаскель заявил, что в публике говорят о том, что АРА, якобы, уезжает в связи с этим конфликтом. Он самым категорическим образом заявляет, что это неправда и готов, если необходимо, сделать это заявление официально.

Из всех работавших у нас за время голода иностранных благотворительных организаций, АРА была самой мощной и богатой по размаху работы. Она работала в 12 районах, охватывающих 37 губерний, с 1/X—21 года по 1/VI—23 года. Кормила в разгаре работы (летом 1922 г.) 10 миллионов человек—взрослых и детей, т. е. добавочным пайком от 400—652 калорий. Кормила в специальных, ими же открытых, но нами оборудованных и содержимых столовых, в детских домах, больницах и т. п. В это время число сотрудников АРА по всем районам достигало до 12 тысяч человек, из них свыше 300 человек эмигранцев. Жалование персоналу уплачивали мы. Оплачивали также коммунальные услуги, квартиры, снабжали горючим машины и т. д.

Кроме продовольствия АРА выдала также обувь, одежду, белье—всего выдано 86.000 пудов на сумму 7.11.200 руб. эзх. Выдавались эти вещи бесплатно, главным образом, детским домам, больницам и т. д.

Кроме того до 20 тыс., вещей (20-ти долларовых) посылок выданы учителям; они распределялись Особой Комиссией, составленной на паритетных началах, из представителей АРА и наших.

Существенную часть работы АРА в России составляла ее медицинская помощь, которая проводилась в тех же районах

шла на усиление фондов помощи детям. Что собою представляла АРА? Как она была организована, как работала?



Е. Т. Берланд—начальник посылочных операций Ара.



К. И. Ландер.

(за небольшими исключениями), где АРА оказывала и продовольственную помощь. Медикаментов АРА ввезла 280.816 пудов на сумму 8 милл. долларов, в том числе 21.000 кило хины, 700.000 ампул неосальварсана, 252.000 кило рыбьего жира и т. д. Кроме того было ввезено и распределено также всякого рода госпитальное имущество, перевязочный материал, госпитальные и хирургические инструменты, одежда, белье и т. д. (одежды и белья свыше 1 милл. штук). Благодаря этой помощи удалось снабдить в голодающих районах свыше 15.000 больниц, причем районы в среднем обеспечены после отъезда АРЫ на 1 год.

Студенческая помощь оказывалась АРОЙ в сравнительно скромных размерах—кормила до 11 тыс. человек, студентов 2-х последних (старших) курсов. В этой области работало филиальное отделение АРА—Христианский Союз Молодых Людей.

Особо стоит посылочная деятельность АРА. По 31 мая с. г. АРОЙ ввезено и распределено в России 1.163.296 десятидолларовых посылок (платных) и 41.997 двадцатидолларовых вещей (одежные) посылок. Средний вес продовольственной посылки—3½ пуда, что составляет всего 4.200.000 пудов на сумму 35.000.000 долларов. Как правило, продажа посылок в России не допускалась. Рассматривать посылки, как продовольственную помощь не приходилось. Она распределялась индивидуально лицам, родственники которых могли оплатить стоимость ее. Но, согласно договора, вся прибыль от этих посылок

Она представляет собою своего рода федерацию нескольких благотворительных организаций, работающих под общим руководством и флагом единой администрации. Во главе АРЫ в Америке стоит г. Гувер, в России ее директором все время был полковник Хаскель, заместителем—Квинн. Из крупнейших организаций, входивших в состав АРЫ и работавших в России, назову: «Джойнт»—Еврейский Американский Комитет Помощи, самая богатая и мощная из ее составных частей, теперь выделившаяся и заключившая с нами самостоятельный договор, затем менониты, работавшие на юге России, в районах, населенных менонитами и смежных с ними, оказывавшие кроме продовольственной помощи и производственную (работало до 35 тракторов), баптисты, лютеране, упомянутый Христианский Комитет молодежи и другие. В связи с отъездом АРЫ, некоторые из этих организаций ведут переговоры об оставлении их в России для дальнейшей работы.

В Москве помещалась дирекция и главная контора АРЫ с основными отделами: административным, транспортным, организационным, финансовым, инспекционным, информационно-историческим и посылочным. Во главе отделов стояли ответственные члены АРА, из которых следует упомянуть д-ра Бьюкеса—начальника медицинского отдела и г. г. Матьюса, Берланда, Сабина, Тельфорда и др. Персонал АРЫ в Москве достигал до 1 тыс. человек (включая московское отделение)

и оплачивался нами, за исключением сотрудников посыльного и впоследствии инспекционного и исторического отделов. АРА имела здесь в своем распоряжении под конторы и жилье 5 лучших московских особняков, в том числе бывш. Тарасова и Рябушинского, по Спиридоновке, и грандиозные боевые склады с особой железнодорожной веткой к ним.

В районах работой руководили тоже ответственные уполномоченные АРА со штатом инспекторов при них; последние набирались АРОИ самостоятельно, большей частью из русских граждан.

Полномочное Правительство наше имело задачей объединять деятельность всех органов, соприкасающихся в своей работе с АРА, непосредственно проводить в жизнь все условия рижского договора, служить посредником между АРА и советскими учреждениями, а равно и проводить в жизнь чрез иностранные организации ту программу работы, в рамках заключенных договоров, которая была намечена и утверждена правительством. На местах эту работу проводили Уполномоченные Полпреда, подчиняясь его директивам и указаниям, и согласуя деятельность АРА с работой местных органов Помгола, направляя ее в соответствии с местными реальными нуждами и интересами.

В общем и целом наша совместная работа протекала гладко

и спокойно. Неизбежные шероховатости между АРА и местными органами иногда возникали, но они быстро ликвидировались

по обоюдному соглашению. Ни разу дело не доходило до открытого конфликта, до угрозы разрывом. Мы старались, напрягая все усилия, как ни трудно иногда нам это и приходилось, выполнять все наши обязательства и всегда достигали соглашения с АРОИ по всем важным вопросам.

К чести аровцев надо отметить, что трудовая дисциплина у них была хорошая, суровая. Работали с полной нагрузкой, без отпусков и проволочек, иногда без ограничения времени, как того требовали условия момента. С профессиональными союзами у АРА возникали порою трения, так как рижский договор предоставил им свободу найма и увольнения и лишь впоследствии АРА согласилась признать с известными оговорками наш кодекс охраны труда.

В делопроизводстве и системе канцелярской — административной работы в АРА был образцовый порядок, была во всем система, но во многом слишком сложная и дорогая. Финансово-счетный отдел, однако, мало чем отличался от наших средних учреждений подобного типа.

Расстаемся мы дружелюбно и без всяких инцидентов ликвидируем свои взаимные расчеты.

Окончательно АРА покидает Россию в 20-х числах этого месяца

К. Ландер.



Полковник Хаскель, директор Ара.

История одной точки.

Рассказ Д. Фришмана.

И чего только не натворит одна точка! Был у меня учителем реб Моше-Борух, — Господин Грамматик. Начал он точкой и — кончил Сибирью. И все-же он был одним из лучших, честных и совестливых людей, каких мне привелось встречать.

Думаете, конечно, — политический преступник. Нет уж — и не пахнет этим. Куда ему. Он был одним из тех, кому мирские дела ни почем. Какое ему, скажите на милость, дело до того, что в миру вытворяется чорт знает что и до того каков порядок вещей на свете. У него был свой мир и этим миром была грамматика. Прописная, толстая и заключительная тонкая буквы вошли в его кровь и нервы.

И эта самая грамматика, в конце концов, довела его до Сибири. Это была совсем маленькая точка, внутренний «догаш» и какой, к тому еще — догаш! Не настоящий, ошибочно оказавшийся на месте и не от руки человеческой.

Кто не видел моего ребе — грамотея, не узнает никогда, что такое настоящий грамотея, — Господин Грамматик. На основании грамматик он ел и на основании

грамматики пил. На том-же основании колотил жену и укладывался спать.

Грамматика заполняла его мозги днем и его сны ночью. Однажды он видел во сне точку верхом на осле, и державшую во рту чудотворный рог Мессии. И самый вид моего учителя был похож на клочок грамматик. Голова поверх искривленных плеч напоминала верхнюю точку над «э», усы под ноздрями были, как тире под буквой «в», нос и глаза были похожи на «сегель», раздутые ноздри на «денре», борода с тремя острыми концами, один длиннее другого, на «шурук», да и сам он, реб Моше-Борух, был — маленьким и худосочным евреем и, глядя на него издали, можно было подумать, что это внутренняя точка катится по земле.

И сердитым-же был он! Хороший, кажется, человек по натуре, но, упаси бог разгневать. Если бывало ученик произнесет какое-либо слово с грамматической погрешностью, он огорошивал его так, что тот помнил об этом всю жизнь; если муха забросит неожиданную точку в книгу и эта точка попадет внутрь буквы, реб

Моше-Борух заливал бешеным гневом не только всех мух, но даже кошку и всякое живое существо, видевшее это. Если кто, бывало, скажет «шабас-нах-му», вместо «шабас-наха-му», он того свирепо выгонял из дому. Даже жена его, госпожа учительша, боялась обращаться к нему до тех пор, пока не разузнавала точно, как нужно сказать.

За обедом она однажды уронила несколько слов о покойной тетушке Шпринце и впопыхах забыла сказать — «мир праху ее». Он встал и ткнул ее так, что она опрокинулась, схватил миску с картофелем, грхнул ее о землю и разбил всю посуду на столе, разметав ее в клочья.

Подобная же история случилась с его первой женой, когда та лежала тяжело беременной. Она билась на постели в сжигающей ее лихорадке и звала слабым голосом — «Моше-Борух!»

— Кляча — яростно закричал он, — ты еще не знаешь, что нужно говорить Моше-Борух. Точка из «б» выпадает.

Бедная женщина перепугалась до смерти и к вечеру протянула ноги...

И вот этот самый человек, который по натуре был честен и прям, кончил так, как не пожелаю никому—из-за одной точки он был сослан в Сибирь.

Был август месяц. Зной нарастал. Только изредка задувал ветерок сквозь распахнутую раму. Мы, ученики, сидели вокруг стола и скулили нараспев. По комнате кружился и крикал петух. Впереди всех сидел Моше-Борух и его два глаза сияли, как две внутренних точки.

Капот он подвернул под себя и широкие белые рукава из под рубахи оглядывали морщинистые руки.

Мы уже проходили «книгу начал» и остановились на разделе о родах. Мы не проходили главы соответственно неделям, а всегда зубрили все пятидневные целиком.

После уроков реб Моше-Борух сказал:

— Дети, каждый из вас должен к завтраму повторить у себя весь раздел и истолковать каждое слово на основании

Японский оккупант.



Ген. Морида, бывший командующий японскими оккупационными войсками на Сахалине.

Самый большой пароход в Европе.



Только что спущенный пароход линии Гамбург—Америка „Альберт—Баллин“—с двумя турбинами, вместимостью в 22,000 тонн брутто и скоростью—15½ миль.

грамматики. Так же вы должны указать мне все глаголы, сложные и простые.

На следующий день, каждый из нас принес готовый реферат в письменном виде. Залман-Фишко был первым, кто выскочил благополучно, вторым был Мендель Квак—придаться было не к чему. Третьим был Фапель Колтун.

Но Моше Борух прочел его реферат с легким удовольствием. Читая, улыбался.

Внезапно его лицо потемнело и голос переменялся.

«Последнее благословение осенит тебя», прочел реб Моше-Борух в тетради и голос его предвещал недоброе.

— Это ты писал, Фапель?

Фапель вытянулся и дрожал. Чуть слышно он уронил слово, которое должно было означать—«да».

— Что означает точка в слове «благословение?»—спросил далее реб Моше-Борух.

На этот раз мальчик ничего не ответил—только задрожал.

— Ты ответишь мне, Фапель?..

Колтун несколько минут молчал. Потом он вскрикнул и выпалил, как человек, неожиданно о чем-то вспомнивший:

— Там никакой точки нет.

— Чтоб твоя мать так здорова была, паскуда.

— Я там никакой точки не поставил. Эти слова звучали так, как если-бы он хотел сказать:—«я ничьей крови не проливал».

— Сделал и еще уклоняешься?—закричал реб Моше-Борух во весь голос и глаза его залились кровью.

Слова его звучали как:—«награбил и еще наследие оставляешь?»

Бедный мальчуган стоял, как окаменевший и только зубы его стучали.

— На, сука, смотри—вот здесь точка,—отозвался обиженный Господин Грамматики и хлопнул мальчика по голове—всего один раз.

Мальчик повалился на земляной пол и растянулся подле стола, выдвинув правую ногу.

Несколько минут мы ждали. Когда-ж мы увидели, что он не подымается, мы стали ворошить его, таская за руку из стороны в сторону. Случайно один из нас догадался, что с ним приключился обморок.

Начались дикие крики, шум и плач заполнили всю комнату.

Крики усилились, раздались на весь дом и докатились до базарной площади.

В это время в белом доме аптекаря, в угловой комнате сидели судья, следователь, доктор и аптекарь. Они играли в винт.

Когда судья выпустил маленький шлем без козырей и остался без двух—раздались жуткие крики. Игроки выскочили на улицу.

Доктор ворвался в школу реб Моше-Боруха и стал возиться с окоченевшим мальчиком.

— Вся беда в том,—говорили после,— что не было кровотечения. Если-бы показала кровь,—он был-бы спасен.

Мальчика отнесли домой к родителям. К вечеру весь городок был поднят на ноги.

Фаптель Колтун умер и все население заговорило об убийстве.

И когда Моше-Борух, на другой день, сидел замкнувшись дома, прячась от людского глаза, копался в бумагах и рефератах и тупо смотрел на злополучную точку в слове «благословение», которая оказалась такой, не сделанной человеком, но брошенной в тетрадь случайной мухой,—к нему вошли три жандарма, четыре солдата и пристав.

Его связали и увели.

* * *

В уголовном деле, разбиравшемся в окружном суде, был также адвокат, защищавший Моше-Боруха. Защитник доказывал с перекошенными губами, что преступление совершено в невменяемом состоянии.

Ничего не помогло—шесть лет каторги достались на долю Господина Грамматики. Я видел, как его везли:—голова его была наполовину выбрита и халат был разодран. Говорят, что он умер в Сибирь, на первом-же году каторжных работ.

И чего только не натворит одна точка!

Пер. с еврейского С. Гехт.

«Последняя собственность» Николая Романова.

От корреспондента „Огонька“.

Когда Николай Романов подписал отречение на ст. Дно он, как сообщают умилявшиеся либеральные газетчики, заявил.

«Теперь поезду в Ливадию выращивать розы».

В эту «частную собственность» Николая Романова, до сих пор, до последних лет не проникал ничей посторонний глаз, и даже фотографирование дворца обставлено большими формальностями и прилагаемые фотографии сняты впервые.

История ливадийского имения такова до 60-тых годов прошлого столетия оно, со сломанным ныне дворцом, принадлежало графам Потоцким, которые продали его семье Романовых. В этом дворце умер, опившийся вином, Александр III.

В 1909 году Николай Романов приказал сломать старый дворец Потоцких и построить ныне стоящий, который с лихорадочной спешкой выстроен в два года—1909—1911 года. С 1911 года семья Романовых аккуратно, два раза в год, переезжала весной и осенью в Ливадию и последний раз выехала оттуда в год войны—1914. Последний листик отрывного календаря в кабинете Николая Романова покаывает 31 мая 1914 года.

Следует отметить: жизнь Романовых представляла мало удовольствия. Из панической боязни революции, покушений, внезапных нападений—семья Романовых себя изолировала всем, чем могла от внешней жизни: толстыми стенами из камня и железа, густой стеной штыков, многочисленной массой шпигов и наконец, специально приноровленным режимом. Для охраны высочайших особ был изобретен знаменитый Думбадзе, ялтинский градоначальник. Для изолирования себя от рабочих и служащих ливадийского имения, для предохранения от отравления, взрыва и т. под. вся прислуга, вся посуда привозилась с

собой, вплоть до постельного белья. Режим для самой семьи был строжайшим, так, например, от 9—11 ч. и от 3—5 дня *вся охрана, все сыщики* выходили на свои посты, так как именно в эти часы непременно выходил Николай Романов с семьей

исторических, в духе Иловайского. Все жилые комнаты бывших—царя, царицы и их детей увешаны во всех углах всевозможнейшими мадоннами, Иисусами, Себастьянами, серафимами. Эти образы и иконы всюду—вплоть до ванных с уборными.



Приемный кабинет Николая Романова в I этаже ливадийского дворца.

на прогулку. В это время выводилось до трехсот человек шпигов и охранников.

Оставшаяся после Романовых, библиотека свидетельствует о весьма посредственном вкусе и составлена из занимательных (А. Додэ, Мало и др.) легких романов или

Во время многократно менявшихся в Крыму властей, ливадийскому дворцу и имению удалось как то сохраниться. Было два покушения на дворец. Первый раз какой то германский фельдфебель приехал по приказу Эйхгорна и, отперев дворец, взвалил на подводы весь «приемный кабинет» Николая Романова и повез в Симферополь. Но Эйхгорну послали телефонограмму с деликатным намеком, что «истинные царственные владельцы» могут вернуться и... солдатско-фельдмаршальское сердце дрогнуло. Вещи были возвращены.

Второй раз верховный правитель барон Врангель хотел пограбить своего бывшего повелителя и приказал упаковать для вывоза в Константинополь все ливадийские дворцовые ковры. Но тут в ковры вцепился какой то меньшевик, бывший хранителем дворца при Врангеле и, пока шла переписка, Врангелю пришлось спешно эвакуироваться без ковров. Так и сохранилось все имущество дворца.

Но судьба умеет зло пронизировать. Ныне Ливадия, принадлежавшая «самодержавному, всероссийскому, монопольному винооторговцу» сыну алкоголика, ныне эта любимая Ливадия со всеми дворцами, художественным парком и всем городком построек принадлежит винделтресту.



Внешний вид большого ливадийского дворца, фотографирование коего до сих пор не разрешалось.

Ливадия.

А. Сергеев.

ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИИ.

ЧАПАЕВ.

Очерк Дмитрия Фурманова.

Раннею весной 1919 г. Колчак устремился к Волге.

По всей линии, от Перми до Оренбурга, на огромном пространстве отступали красные войска. Положение было грозное, поговаривали о том, что, пожалуй, придется уйти за Волгу.



Д. Фурманов, воен. комиссар Чапаевской бригады.

В эти дни у нас, в Иваново-Вознесенске, Фрунзе спешно формировал добровольческий рабочий отряд, собранный почти сплошь из коммунистов. Будучи назначен командовать IV армией, сам он выехал раньше, а мы, отрядом, добрались до Самары только в половине февраля. Отряд наш вскоре был развернут в полк и включен своевременно в 25-ю Чапаевскую дивизию.

Еще в дороге, в случайных разговорах, мы не раз слышали про Чапаева—грозу уральских казаков, непобедимого, отважного командира красных войск. Про него рассказывали настоящие легенды, имя его произносилось не иначе, как связанное с какими-нибудь героическими, полусказочными подвигами.

И вдруг—такая радость: меня назначают комиссаром отдельной бригады в Александров-Гай, а командовать этой бригадой будет... Чапаев! Он при дет туда вслед за мной... Можно представить, с каким нетерпением ожидал я первую встречу!

Мартовским ранним утром, часов в 5—6, ко мне постучали. Выхожу:

— Я Чапаев, здравствуйте!

Передо мною стоял обыкновенный человек, сухощавый, среднего роста, видимо, небольшой силы, с тонкими, почти женскими руками. Жидкие, темно-русые волосы прилипли ко лбу; короткий, нервный, тонкий нос, тонкие брови в цепочку, тонкие губы, блестящие чистые зубы, бритый подбородок, пышные фельдфебельские усы. Глаза... Светло-синие, почти зеленые—быстрые, умные, немигающие. Лицо матово-чистое, свежее.

Скоро шумною ватагой ввалились приехавшие с ним ребята: закидали все углы вещами, на столы, на стулья, на подоконники побросали шапки, перчатки, ремни, разложили револьверы, некоторые сняли бутылочные белые бомбы и небрежно сунули их тут-же, среди шапок и рукавиц. Загорелые, суровые, мужественные лица; грубые, густые голоса, угловатые неотесанные движения и речь, скроенная нескладно, случайно, зато сильно и убедительно. У иных манера говорить была настолько странная, что можно было думать, будто они все время бранятся: отрывисто и резко о чем то спрашивали, так-же резко и будто зло отвечали.

Все это было около шести утра.

В семь Чапаев сидел с циркулем в руках и выправлял оперативный приказ о завтрашнем наступлении нашей бригады на Салаицу Соломихинскую.

В восемь мы вместе ехали на позицию—«осмотреть лично, подкрутить где следованно»: «следованно» он всегда говорил вместо «следует».

От Александрова-Гая до Соломихинской 80 верст. Катим степью. Приехали в казачью Таловку: здесь уцелело всего две мазанки, это—наш центр, отсюда завтра на заре поведем наступление...

Чуть забрезжило—прокатился в утреннем холодном тумане вестовой орудийный выстрел. И загромыхало... Мы шли в наступление. Чапаев метался на коне из одного конца в другой. Когда осталось до станицы меньше версты, а казаки с окраинных мельниц стали бить из пулеметов—наши цепи то залегали, то, быстро вскидываясь, перебегали и видели, как перед ними то здесь, то там мелькал при виде Чапаева...

Станицу взяли с боем! Дело к ночи. Утомленные, сваливаемся и засыпаем жадным сном. Не спит один Чапаев: пять раз за ночь он будит меня и пять раз неизменно вижу его, склоненным над картою, с карандашом и циркулем в руке. Уже в эти первые дни он для меня оказался целиком: пламенный и неугомонный, энергичный вождь, неутомимый работник, властный командир и веселый товарищ, равный со всеми, простой и доступный, такой-же спокойный в бою, как на отдыхе, в кругу бойцов...

В те мятежные дни к Самаре начали стягивать силы—здесь готовился кулак, который должен был впервые ударить Колчака. Силы стянули. Кулак создали.

Колчака ударили—так больно, что он укатился в Сибирь, а там добили. Собирали сил руководил М. В. Фрунзе, командовавший к тому времени Южной группой. Наша отдельная бригада, переименованная в 25-ю дивизию, соответственно пополненная, была переброшена в район Бузулука и в памятный день 28 апреля, когда открылось наше наступление по всему фронту—тронулись к Уфе. Первым шел Иваново-Вознесенский рабочий полк... Среди ткачей, воодушевляя их до восторга, как рядовой боец, с винтовкой в руках, кричал «ура» и бежал в атаку Фрунзе... Это было безумство: «безумству храбрых поем мы песню!»

Чапаев руководил переправой, давал приказы: его слушали бойцы, слушал и командующий Южгруппой Фрунзе: в бою дисциплина—первое дело!

Полку ткачей пришлось выдержать много остервенелых атак: он устоял, чудом устоял, но продолжался, пока не пришла к нему помощь... 9-го июня полки Чапаевской дивизии входили в Уфу...

Уральск уже много недель героически держался в кольце казачьих войск.

Лишь только взяли Уфу—нас перебрали выручать Уральск. Уральск освобожден: нельзя передать потрясающие сцены наших встреч с освобожденными из заключения товарищами: Чапаева носили на руках, посвящали ему пламенные речи, благодарили, кто как умел.

Из Уральска путь дивизии лежал к Каспийскому морю через Лбищенск, Сахарную, Калмыков... Голод, жару, безводицу, нехватку патронов и снарядов—все выносили разутые, раздетые, измученные бойцы. Чапаев нервничал. Его телеграммы центру становились все резче: он болел душой за то, что видел, а больше страдал оттого, что помощи ждать было трудно, почти невозможно—это он знал, нехватки были не только у нас.

К половине августа мы были под Лбищенском, верст на полтора южнее Уральска.

Вскоре меня отозвали на работу в политуправление Южгруппы: обязанности комиссара дивизии передал я П. С. Батурина. Через две недели его зарубили, а Чапаев погиб в Урале. Это был момент



В. И. Чапаев (справа) у поезда Л. Троцкого за изучением на карте боевого задания

исключительного, потрясающего драматизма.

Штаб дивизии остановился во Лбищенске, бригады ушли ниже, под самую Сахарную. Казаки делают глубокий стоверстный обход мимо Чижиных болот, по Кушумской долине и внезапно, ночью

с 4-го на 5-ое сентября, палатают на Лбищенск. Неожиданность, ночная сумятица, паника, крики, беспорядочная стрельба... Чапаев в белье выскакивает на волю: в руке револьвер, в другой винтовка. Собрал вокруг себя красноармейцев и руководит этой горстью храбрецов. Все яростней казачьи атаки... И вот красноармейцы сбиты... Дальше—полосами сдирают кожу, разбивают головы о камни, расплевывая по забору мозги, выкалывают глаза, вырезают языки.

Когда эти трупы были найдены—их не узнать, так изуродованы... Чапаев крепится... Чтоб ослабить натиск, сам не раз переходил в атаку. Но где же горсточкой бойцов удержать казачью лаву? Все ближе враг, все ближе и крутой берег Урала, куда прижимают и гонят. Все меньше бойцов, путь отступления усеялся братскими те-

лами. Чапаеву пробило руку—он вадумал утереть лицо и оставил кровавые полосы на щеке и на лбу. Плечом к плечу, отступает рядом любимый и верный товарищ, Петяка Исаев:

— Василий Иванович, дайте, голову завяжу,—крикнул он Чапаеву.

— Ничего... голова здоровая...

— Кровь на лбу бежит,—задышающимся голосом старался его уверить Петяка.

— Ну, полно—все равно...

Они шаг за шагом отступали к обрыву... Не было почти никакой надежды—мало кто успевал спастись через бурный Урал. Но Чапаева решили спасти.

— Спускай его на воду!—крикнул Петяка. И все поняли, кого это «его» надо спускать: четверо ближе стоявших, поддерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному

срыву. Вот кинулись, поплыли: троих убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. Плывли двое, уже были у самого берега,—и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову; когда спутник, уползший в осоку, оглянулся,—позади не было никого: Чапаев потонул в волнах Урала...

А Петяка остался на берегу до конца и, когда винтовка стала ненужна, выставил шесть гагановских патронов по заступавшей казачьей цепи, а седьмую—в сердце. И казаки остервенело издевались на трупе этого маленького, рядового, но такого славного благородного воина. С большим трудом опознали потом товарищи эту раздавленную в песке кровавую массу человеческого тела...

Д. Фурманов.

Холодное лето.

Проза О. Мандельштама.

Четверка коней Большого театра... Толстые дорические колонны... Площадь оперы—асфальтовое озеро, с соломенными вспышками трамваев—уже в три часа утра разбуженное цоканьем скромных городских коней...

Узнаю тебя площадь Большой Оперы—ты пуповина городов Европы—и в Москве—не лучше и не хуже своих сестер.

Когда из пыльного урочища Метрополя—мировой гостиницы—где под стеклянным шатром я блуждал в коридорах улиц внутреннего города—изредка останавливаясь

перед зеркальной засадой, или отдыхая на спокойной лужайке с плетеной бамбуковой мебелью—я выхожу на площадь, еще слепой, глотая солнечный свет: мне ударяет в глаза величаяая явь Революции и большая ария для сильного голоса покрывает гудки автомобильных сирен.

Маленькие продавщицы духов стоят на Петровке, против Мюр-Мерелиза—прижавшись к стенке, целым выводком, лоток к лотку. Этот маленький отряд продавщиц—только стайка. Воробышная, курносая армия московских девушек; милых

трудолюбивых машинисток, цветочниц, голубожек,—живущих крохами и расцветающих летом...

В ливень, они снимают башмачки и бегут через желтые ручьи, по красноватой глине размытых бульваров, прижимая к груди драгоценные туфельки-лодочки—без них пропасть: холодное лето. Слово мешок со льдом, который никак не может растаять, спрятан в густой зелени Нескучного и оттуда ползет холодок по всей лапчатой Москве...

Вспоминаю ямб Барбье: «Когда тяжелый

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА.

В ДОМЕ ГЕРЦЕНА.

Немногие из москвичей знают, что большой, белый, трехэтажный дом—типичный барский особняк конца XVIII века—в усадьбе, под № 25 по Тверскому бульвару, под вывеской, красным по белому фону:

«МОСКОВСКИЙ РАУСПИРТ».

это и есть том дом, в котором родился А. И. Герцен.

Двумя комиссиями из представителей Академии Худож. Наук и Моссовета установлено, что именно здесь, в этом особняке, случайно уцелевшем от московского пожара 12 года, родился будущий редактор «Колокола»—знаменитый «Искандер»—Александр Герцен.

Особняк стоит в глубине усадьбы, замыкающей, характерной для эпохи Павла I, решеткой; сквозной проезд соединяет владение, выходящее старым садом к Тверскому бульвару, с Б. Бронной улицей. Именно в таком виде, со своими пристройками—«службами»,—расположенными влево от дома, существовал особняк и сто лет тому назад.

Сам Герцен оставил нам замечательное описание дома, в котором он родился. Вспоминаю о своем двоюродном брате Алексее Александровиче Яковлеве, о том самом «химике», который увлечен грибоведской княгиней Тугоуховской:

— Он химик, он ботаник!
князь Федор, мой племянник—

вспоминаю об этом чудачке, что «женщины бегают»,—пишет Герцен:

«Химию» жил чрезвычайно своеобразно в большом доме своем на Тверском бульваре занимал он одну крошечную комнатку для себя и одну для лаборатории.

Старуха—мать его жила через коридор в другой комнатке; остальное было запущено и оставалось в том самом виде, в котором было при отъезде его отца в Петербург. Почерневшие канделябры, необыкновенная мебель, всякие редкости, стенные часы, будто бы купленные Петром I в Амстердаме, кресло, будто бы из дома Станислава Лещинского, рамы без картин,



Фасад дома Герцена по Тверскому бульвару, 25.

картины, обороченные к стене,—все это, поставленное кое-как, наполняло три большие залы, нетопленные и не освещенные...

«Рядом этих комнат достигалась, наконец, дверь, увешанная ковром, которая вела в страшно натопленный кабинет. В нем Химик, в замаранном халате сидел безвыходно, обложенный книгами, обставленный склянками, ретортами, тигелями, снарядами. В этом кабинете, где царил теперь микроскоп Шевалье, пахло хлором, и где совершались за несколько лет страш-

ные, вопиющие дела,—з этом кабинете я родился».

Вспоминает Герцен о своем родном доме и еще раз: после возвращения из ссылки посетил он старого знакомого Д. М. Свербеева, квартировавшего у Кроткова, который приобрел тогда дом Яковлева. «Комнаты были перестроены—читаем мы в «Былом и Думах»,—но подъезд, сени, лестница, передняя—все осталось также, и маленький кабинет остался».

Этот дом с его маленьким кабинетом, в котором родился Герцен связан не только с его именем: здесь родилась и дочь А. А. Яковлева—Наталья, будущая Наташа Герцен. В письме к Наташе от 6—9 апреля 1838 года Герцен пишет: «ты ошибаешься, думая, что я не знаю, что родился в одном доме с тобою, в доме твоего отца». В этом же письме к Наташе Герцен рассказывает, что в Вятку, в которой отбывал он тогда свою ссылку, привезли коллекцию литографированных видов Москвы, «перебирая их»,—пишет он,—я встретил Тверской бульвар и тот дом—наш дом. Я на фронтоне надписал твое имя и мое».

Этот дом, по постановлению ВЦИК, в ознаменование юбилея Герцена, был национализирован и передан во владение Всесоюзного Союза Писателей. Однако, случилось так, что центральный дом, тот именно особняк, в котором родился Герцен, остался в распоряжении Рауспирта.

В маленьком кабинете, где некогда стояла колыбель Герцена, выдавали разрешения и ордера на спирт. И только теперь, после окончательного установления неопровержимого факта, что именно в этом особняке родился Герцен, он перейдет

зной прожог большие камни». В дни, когда рождалась свобода—«эта грубая девка, бастильская касатка»—Париж бесновался от жары—но жить нам в Москве, сероглазой и курносой, с воробьиным холодком в июле...

А я люблю выбегать утром, на омытую светлую улицу, через сад, где за ночь намело угробы летнего снега, перины пуховых одуванчиков—прямо в киоск, за «Правду».

Люблю, постукивая пустым, жестяным бидоном, как мальчишка, путешествовать за керосином, не в лавку, а в трущобу: о ней стоит рассказать: подворотня, потом налево, грубая, почти монастырская лестница, две открытых каменных террасы; гулкие шаги, потолок давит, плиты разворочены; двери забиты войлоком; протинуты снасти бичевки; лукавые заморенные дети в длинных платьях бросаются под ноги; настоящий итальянский двор. А в одно из окошек за кучи барахла всегда глядит гречанка расоты неопикуемой, из тех лиц, для которых Гоголь не щадил трескучих и великолепных сравнений.

Тот не любит города, кто не ценит его рубища, его скромных и жалких адресов, кто не задышался на черных лестницах, путаясь в жестянках, под мяуканье кошек, кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса, на заюзу в лазури, на живую, животную прелесть агроплана...

Тот не любит города, кто не знает его мелких привычек: например, когда пролетка взбирается на горб Камергерского, обязательно, покуда лошадь идет шагом, за вами следуют нищие и продавцы цветов...

На большой трамвайной передышке, что на Арбате—нищие бросаются на неподвижный вагон и собирают свою дань—но если вагон идет пустой—они не двигаются с места, а как звери, греются на

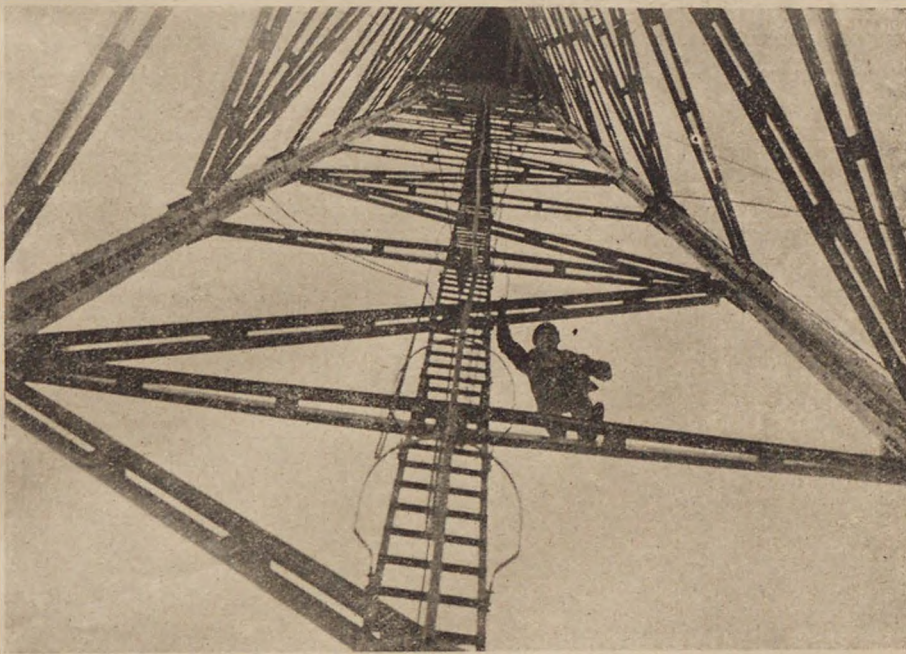
солнце под навесом трамвайных уборных, и я видел, как слепцы играли со своими поводьями.

А продавцы цветов, отойдя в сторону, поплеывают на свои розы.

Вечером начинается игрище и гуль-

Над Науэнской радио-станцией.

Press-Photo-News.



Величайшая в Европе радио-станция Науэн, под Берлином, одно время единственное «окно в Европу», откуда блокированная Россия черпала информацию, состоит сейчас из 2-х мачт, вышиной в 260 метров (выше Эйфелевой башни). Укрепленная на них проволочная сеть антенна, достигает 6 километров, радиogramмы доходят по радиусу в 6000 километров, достигая Нью Йорка в десятую часть секунды. Снимок изображает рабочего, стоящего на высоте 250 метров над землей. Снято снизу вверх.

Союзу Писателей, на которого возложена Президиумом ВЦИК ответственнейшая и серьезнейшая задача—превратить его действительность в «Дом Герцена».

Правление Союза в настоящее время озабочено проведением в жизнь этого почетного, но и трудного задания. Вырабатывается план, который предусматривает

что к предстоящей зиме дом Герцена должен стать вполне оборудованным литературно-научным учреждением, с библиотекой, читальней, особой комнатой—музеем Герцена, аудиториями для лекций, залами собраний для всех литературных обществ и советов Москвы. Мечтается и об организации писательского клуба.

Но надо отметить, что и теперь Всероссийский Союз Писателей, располагающий в центральном доме всего только двумя небольшими залами, вмещающими не более 150 человек, оказывает гостеприимство целому ряду литературных организаций Москвы. Здесь собираются Всероссийский Союз Поэтов, «Звено», «Московский Особняк», «Общество имени Чехова в Москве»; происходили заседания и конференции по созыву Всероссийского съезда писателей и проч.

На «понеделниках» самого Союза Писателей выступали представители решительно всех московских организаций и групп.

Помимо исполнительных собраний, на которых читались и обсуждались произведения как своих членов, так и гостей, Союз в течение минувшей зимы организовал ряд литературных вечеров, посвященных памяти Достоевского, Блока, Некрасова, Пушкина, Короленки; в ознаменование пятилетия Октябрьской Революции был устроен вечер докладов.

Союзу удалось устроить для своих членов два небольшие общежития. Одно расположено в нижнем этаже дома, выходящего на Тверской бульвар и занятого Датским Телеграфным Обществом, а другое приютилось в крошечном домике во дворе. Как ни скромна жилищная площадь этих общежитий (в обоих насчитывается всего десять комнат!) все же и они сыграли огромное значение в наше время обостренного жилищного кризиса, дав возможность ряду русских писателей прожить зиму, правда в тесноте, но не в обиде...

Московское правление всероссийского союза писателей.



Сидят (слева направо) В. Г. Лидин, Н. С. Ашукин, В. Л. Львов-Рогачевский, А. М. Эфрос, И. А. Новиков, А. М. Соболев, Н. Д. Телешов, Л. Я. Гуревич. Стоят: В. А. Никольский, А. И. Свирский, Е. Л. Янтарев, С. Д. Разумовский, В. П. Ютанов, С. А. Поляков и Ю. В. Соболев.

бище на густом, зеленом Тверском бульваре—от Пушкина—до тимиразевского пустыря. Но до чего неожиданностей таят эти зеленые ворота Москвы!

Мимо вечных, несменяемых бутылок на лотерейных столиках, мимо трех слепеньких, в униссон поющих «Талисман», к темной куче народа, сгрудившейся под деревом...

На дереве сидит человек, одной рукой

поднимает на длинном шесте соломенную кошелку, а другой отчаянно трясет ствол. Что то вьется вокруг макушки. Да это пчелы! Откуда-то слетел целый улей с маткой и сел на дерево. Упрямый улей, коричневой губкой, висит на ветке, а странный пасечник с Тверского бульвара все тр сел и трясет свое дерево и подставляет пчелам кошелку.

Хорошо в грозу, в трамвае А, пром-

чаться зеленым поясом Москвы, догоняя грозную тучу. Город раздается у спасителя ступенчатыми меловыми террасами меловые горы врываются в город вместе с речными пространствами. Здесь сердце города раздувает меха. И дальше Москва пишет мелом. Все чаще и чаще выпадает белая кость домов. На свинцовых, как грозы сначала белые скворешники. Кремля и, наконец, безумный, каменный пась-

НОВОСТИ КИНО.

Новые украинские фильмы.

Ялтинская кино-фабрика Всеукраинского фото-кино-управления (ВУФКУ—б. Ермольева) одна из лучших по оборудованию

венных кино-дрм. Работа на фабрике сейчас идет усиленным темпом. Фотокино-управление Украины подписало кон-

начарского, «Овод» (из револ. движ. по роману Войнич), «Инженер Менин» (по роману А. Богданова) «Помещик» (кино-



Сцена из «Хмеля». Помещик Зачарин отстреливается из своего дворца от нападающих крестьян.



Сцена из «Хмеля». У бандита Хмеля.

кино-фабрик СССР. В прошлом году производство кино-фабрики было незначительно.

В настоящем году Ялтинская кино-фабрика получила задание из центра выпустить несколько революционно-художествен-

тракт с известными русскими кино-артистами и режиссерами.

Приглашены лучшие русские кино-режиссеры: Чардынин (выписан специально из Берлина—первый русский кино-режиссер), Гардин и Н. Саттыков (он же премьер-артист).

В текущий летний сезон намечены к постановке: «Слесарь и канцлер» по пьесе А. В. Лу-

драма из эпохи крепостничества) и ряд других.

Закончены постановкой: «Хмель» (рев. кино-драма из эпохи гражданской войны по сценарию Льва Никулина) и «Кандидат в президенты» (худож. комедия в 4 ч.—сатира на буржуазное общество по сценарию В. Туркина).

Ив. Леонов.



Артист Малого театра Н. В. Панов в роли Тапиока из картины «Кандидат в президенты».



Сцена из комедии «Кандидат в президенты».

яне Воспитательного Дома, это опьянение штукатуркой и окнами; правильное, как пчелиные соты, накопление размеров, лишённых величия.

Это в Москве смертная скука прикидывалась то просвещением, то оспариванием, — и как начнет строиться уже не может остановиться и всходит опарой этажей.

Но не ищу следов старины в потрясен-

ном и горячем городе: разве свадьба проедет на четырех извозчиках — жених мрачным имяинником, невеста — белым куколем, разве на середину пивной, где к трехгорному подают на блюде моченый горох с соленой корочкой, выйдет запевало, как дюжий диакон — и запоет вместе с хором чорт знает какую обедню.

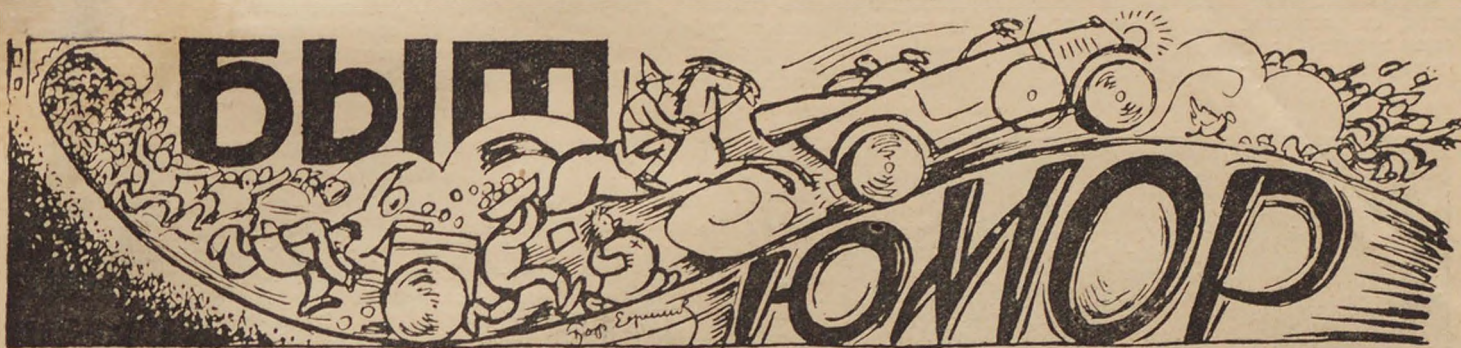
Сейчас лето — и дорогие шубы в ломбарде — рыжий, как пожар елот и свежая, словно только что выкупанная куница,

рядком лежат на столах, как большие рыбы, убитые острогой...

Люблю банки — эти зверинцы менял, где бухгалтеры сидят за решеткой, как опасные звери...

Менее радует крепкая обувь горожан и то, что у мужчин серые английские рубашки и грудь красноармейца просвечивает, как рентгеном, малиновыми ребрами.

О. Мандельштам.



В ОТПУСК!

Юмореска в рисунках К. Ротова.



Обыватель — конечно, заботится о „даче“, для чего задолго до отпуска заигрывает с молочницей...



Рабочий — просто отдыхает на травке, где и как придется...



Учитель — читает где-нибудь в предместьи на свалке около лужицы книжечку...



Советская барышня — гуляет, главным образом, и, когда нет свидетелей, тщательно бережет чулки и ботинки.



берет с собою в отпуск нужные бумаги...



... всего два полных портфеля и пачку книг...



СЕЛЬСОВЕТ

... по пути справляется о делах в сельсовете...



... где нужно — выступает на митингах... От такого отпуска не поправишься!..

Зато партийный работник —



а нэпман в отпуск едет двойко:
удачливый — так...



неудачливый — вот как...

ЦЫГАНЕ.

За городом у самого леса белеют шатры. Не лагерь красноармейцев, не легкие палатки спортсменов, а настоящий цыганский табор. Как парусные лодки, плывут эти шатры по Европе и Азии. Сотни

дыбом, а это косное племя, эта медлительная жвачка столетий, попрежнему не выходит из тесных рамок своего окаменелого быта. Попрежнему куют железо над первобытным горном, попрежнему во-

В долгие предвечерние часы, когда цыгане возвращаются в табор со своего «отхожего промысла», перед шатрами загораются костры каменного века, а вокруг них на траве располагаются обедающие.

Фот. А. Самсонова.



Цыганский обед. Из общего котла.



Общий вид цыганского табора на окраинах Москвы.

лет. Занесенные к нам голодными бурями юга, они успели уже побывать под Питером и не надолго причалили к Москве. Реют стальные птицы, гудят ажурные вышки радиостанций, земля становится

рожат и пляшут и в толкучие, базарные дни попрежнему сбывают жеребцов неведомого происхождения. Те же бусы, те же цветные одежды у женщин, те же расшитые рубашки и сапоги бутылками у мужчин.

«За стол» садятся сразу по двадцать—тридцать человек. С ними и дети, которые во всем подражают взрослым. Это не трудно: взрослые сами, как дети.

Т.

Рабочий спорт.



Занятия физкультурой в I московском тяжелоатлетическом о-ве.



Е. С. Тихонов. Спорт-кружок „Красный луч“. Знаменитый „смэтч“ (убивание высокого мяча с половины поля).

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Валютное Управление Народного Комиссариата Финансов

доводит до сведения всех граждан, внесших деньги в Финорганы за облигации 2-го Государственного Хлебного Займа и получивших на руки временные квитанции, что указанные квитанции будут обменены полностью на подлинные облигации Хлебного Займа в тех Финорганах, коим квитанции выданы.

Начальник Валютного Управления Шлейфер.

РОССИЙСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО СТРОИТЕЛЬНЫХ, ТРАНСПОРТНО-ГРУЗОВЫХ И ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ.

ПРИНИМАЕТ ПОДРЯДЫ НА ПРОИЗВОДСТВО:

строительных, строительно-ремонтных, мелиоративных, электро-технических, железно-дорожных и дорожных работ, производству изысканий, составлению смет, исполнению проектов и прочее.

Продает и выполняет поставки на всевозможные лесоматериалы как для внутреннего рынка, так и экспортные, как-то:

БРЕВНА, ДОСКИ, БРУСЬЯ, ШПАЛЫ и т. п.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Ст. Площадь, № 6.

Т е л е ф о н ы №№:

2-40-31—Председатель,
1-77-23—Дир.-распоряд.,
1-27-31—Лесной отдел,
2-46-32—Трансп. отдел,
2-59-89—Общий.

ОТДЕЛЕНИЕ: в гор. Петрограде.

Представительства:

В Казани, Нижнем-Новгороде, Астрахани,
Киеве, Воронеже, Бахмуте, Грозном и Архангельске.

Условный телеграфный адрес: МОСКВА СТАНДАРД.

ВЛАДИМИРСКИЙ
ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫЙ ТРЕСТ

в текущем 1923 г. отправляет в Нижний-Новгород

НА ПРЕДСТОЯЩУЮ

ЯРМАРКУ

НАВИВНЫЕ, КРАШЕННЫЕ И БЕЛЬЕВЫЕ ТКАНИ

ЛУЧШИХ СОРТОВ, С БОЛЬШИМ ВЫБОРОМ

Магазин Треста помещается на 21/22 линии, против главного дома.

Правление в Москве—Ильинка, Юшков, 4.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ И УДОБНЫЙ КРЕДИТ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ЛОМБАРД.

Большая Дмитровна, д. № 22.

Выдача ссуд под заклад движимости, вещей и драгоценностей.

Прием на хранение без выдачи ссуд с гарантией от порчи.

Прием на комиссию в магазинах ломбарда вещей, драгоценностей, музыкальных инструментов (рояли, пианино и. т. п.).

АУКЦИОНЫ просроченных залогов по воскресным дням от 1 часу дня.

Осмотр вещей в тот же день от 10 до 12 ч.

Открыто Арбатское Отделение. Арбат, дом № 11.